

Иоганн Гёте

Страдания юного Вертера

Иоганн Вольфганг Гёте

Страдания юного Вертера

«Public Domain»

Гёте И.

Страдания юного Вертера / И. Гёте — «Public Domain»,

Роман в письмах «Страдания юного Вертера» вышел из-под пера великого немецкого поэта и мыслителя Иоганна Вольфганга фон Гёте (нем. Johann Wolfgang von Goethe, 1749 – 1832).*** Пребывая в деревне Вальхейм, Вертер встречает девушку Лотту и влюбляется в нее всем сердцем. Но ему не суждено быть с ней, ведь Лотта уже помолвлена с другим мужчиной... Мировую славу Гёте принесли произведения «Бог и баядера», «Торквато Тассо», «Ифигения в Тавриде», «Прометей», «Прекрасная Мелузина», «Стихотворения», «Поэзия и правда», «Лесной царь». Лидер романтического движения «Буря и натиск», Иоганн Вольфганг фон Гёте считается отцом современной немецкой литературы. Его стихотворения переведены на многие языки мира и не теряют своей популярности и по сей день.

© Гёте И.

© Public Domain

Содержание

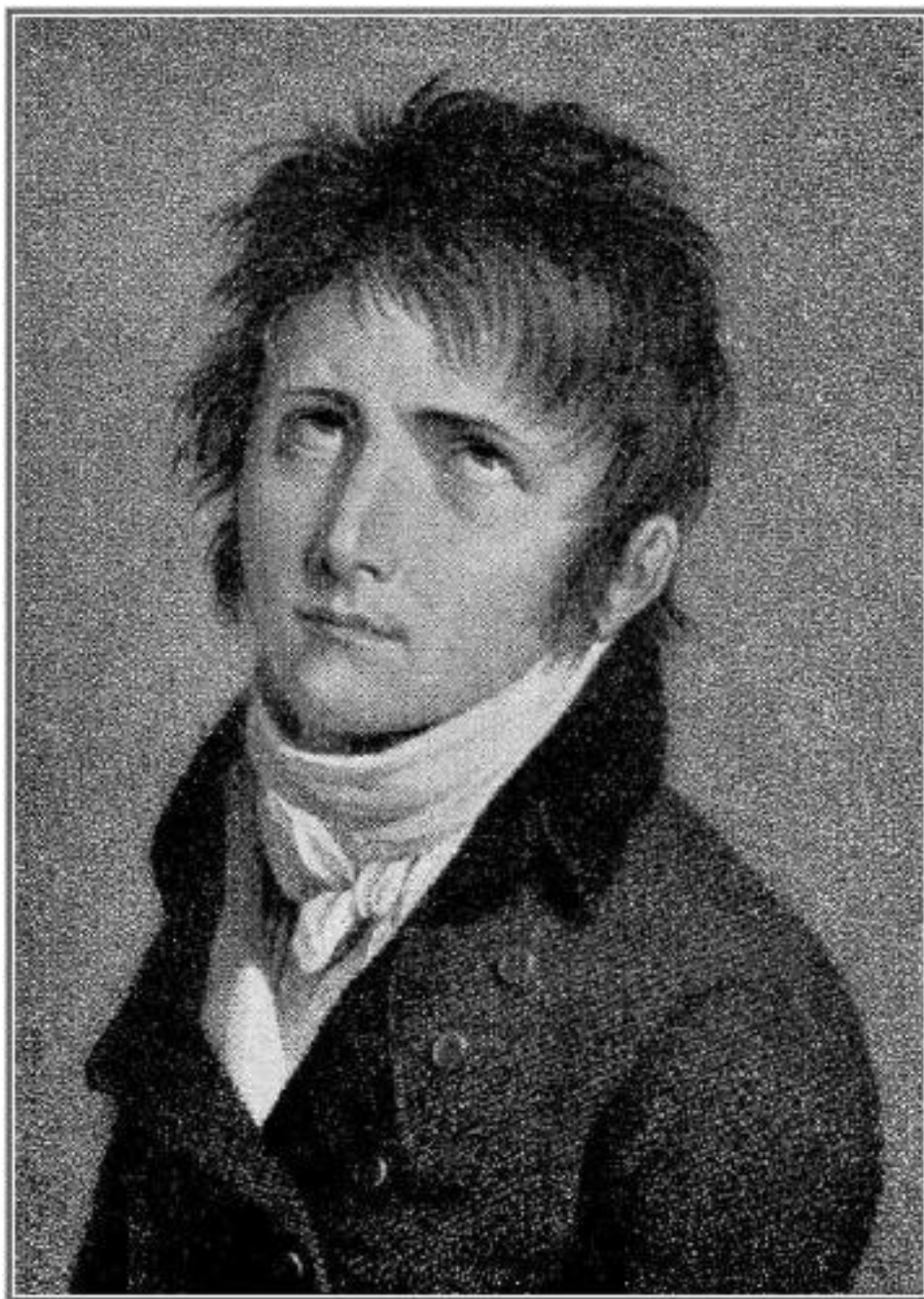
Книга первая	5
4 мая	7
10 мая	8
12 мая	9
13 мая	10
15 мая	11
17 мая	12
22 мая	13
26 мая	14
27 мая	15
30 мая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Иоганн Вольфганг фон Гёте

Страдания юного Вертера

Книга первая

Всё, что можно было узнать о происшествии с бедным Вертером, всё это я старательно собрал и предлагаю вам теперь и знаю, что вы мне скажете спасибо за то. Вы не сможете отказать в вашей любви, в вашем уважении его сердцу, его характеру, как не откажете в слезе его участи. Скорбящий, как он скорбел, почерпни утешение в его страданиях, в его борьбах – и пусть будет эта книжечка твоим другом, если по прихоти судьбы или по своей вине не имеешь лучшего.

4 мая

Как я рад, что я уехал! Скажи, мой милый, что же после этого сердце человека? Оставить тебя, которого так люблю, с кем не расставался ещё – и радоваться! Но мне ты простишь: разве все мои прочие связи не были враждебны мне? Они запутали моё сердце. Бедная Элеонора! А можно ли обвинять меня, виноват ли я, что в ней развивалась пагубная страсть, между тем как игривая прелесть ее сестры доставляла мне приятное развлечение? И, однако, совершенно ли безукоризнен я? Не питал я разве ее ощущений? Не я ли восхищался малюткою? Не я ли радовался живым, непритворным проявлениям ее натуры, заставлявшим нас часто смеяться, тогда-как они вовсе не были смешны? Не я ли... Но что же за создание человек, если сам же может обвинять себя во всём!

Обещаю тебе, добрый друг, исправиться. Не буду так часто тревожить себя укоризнами, как я это делал прежде: буду пользоваться настоящим, а прошлое предоставлю прошедшему. Ты прав: люди были бы менее несчастливы, если б – и зачем они так созданы! – не насиловали своих мрачных мыслей о прошедшем, а лучше были бы менее равнодушны к настоящему.

Будь так добр, скажи матушке, что делом ее займусь как следует и что скоро отдам в нем отчёт. Я говорил с тёткой и вовсе не нашел в ней той злой бабы, какою она слышит у нас. Она просто живая, вспыльчивая, но добрая женщина. Я объяснил ей сетования матушки за невыделенную часть наследства; она изложила мне свои основания, причины и условия на раздел, даже более для нас выгодный; словом, прошу сказать, что всё будет улажено. И на этом, дружок, небольшом деле убедился я, что вся путаница на белом свете происходит не столько от злобы и коварства, сколько от недоразумений и беспечности; первые встречаются, по крайней мере, гораздо реже.

Вообще, мне здесь очень хорошо. Уединение в этой чудной стороне – драгоценный бальзам для меня, и весна, в весну жизни, согревает всею своей полнотою моё запуганное сердце. Каждый куст, каждое деревцо в цвету – и тонуть бы мне, как тонет майский жук в море благоуханий, и питаться бы мне только ими!

Самый город неприятен, но его окрестности очаровательны. Это побудило покойного графа М* разбить сад на одном из холмов, разнообразно волнующих местность в виду прелестнейших долин. Садик прост, и при входе в него чувствуешь тотчас, что не искусство садовника, а любящее сердце набросало его план. В полуразвалившейся беседке, бывшей любимым местом умершего и ставшей теперь моим уголком, пролил я не одну слезу в его память. Скоро сделаюсь хозяином сада. Садовник мне предан – и вот уже несколько дней к моим услугам. Не ошибётся и он во мне!

10 мая

Чудная весёлость овладела моим сердцем. Её могу сравнить только с майским утром, которым наслаждаюсь теперь. Я одинок и счастлив моим одиночеством в этих местах, как будто нарочно созданных для таких душ, как моя. Я так счастлив, мой друг, так весь погружен в чувство спокойного бытия, что искусство моё от этого страждет. Не могу рисовать, не могу взять карандаша в руки, а между тем никогда не был таким живописцем, как теперь.

Когда над благоуханной долиной стелется нар, над непроницаемой мглой соседнего леса горит солнце и только украдкой иной луч прорывается сквозь чащу, святыню его, а я под голубым сводом, погруженный в высокую траву, дышу прохладой студёного ручья, и вокруг меня копошится в разнообразии несметных трав несметный рой разнообразнейших насекомых и мошек, и весь этот бесчисленный хор чудных явлений снуется, теснится к моему сердцу – о, тогда невольно сознаёшь присутствие Того, по подобию которого мы созданы! чувствуешь дыхание Его божественной любви! Она парит в вечной радости, поддерживает, питает нас!

Друг мой, в такие минуты глаза мои смыкаются и небо с окружающим его миром, как образ той любви, отражается на глубине моей души. Тогда я стремлюсь и думаю: если б ты мне вдохнуть в полотно, что так согревает, что во всей своей полноте живёт в тебе, чтоб оно было зеркалом твоей души, как она – зеркало бесконечного. В такие минуты, друг, я изнемогаю перед величием окружающих меня явлений!

12 мая

Не знаю, теплота ли фантазии, моей небесной спутницы, или обаяние чарующих гениев обращают пепелище моё в какой-то рай? Этот соседний колодезь, например? Я прикован к нему, как Мелузина с сёстрами. Спускаешься с небольшого холма и стоишь перед сводом, к сениям которого ведут несколько ступеней. Тут, из каменистого утеса, бьёт ключ чистой воды: повыше – невысокая стенка служит оградой; со всех сторон деревья, защита от ветра. Прохлада, журчанье струи – всё это имеет нечто заманчивое, таинственное. Нет дня, чтоб я здесь часу не провёл.

Городские девушки приходят сюда с кружками, для занятия самого простого, самого невинного и, как некогда царские дочери, запасаются здесь водой. Патриархальная жизнь олицетворяется: вот они, праотцы наши; они узнают суженых, знакомятся, сватаются – и благодетельные гении, покровители ключей и источников, осеняют их. Кому это чуждо здесь, тот никогда в знойный час, после долгого странствия, не знал упоений студёного ручья.

13 мая

Ты спрашиваешь, не прислать ли мои книги? Друг, ради Бога, избавь от них! Не нуждаюсь я больше ни в руководствах, ни в возбуждениях. Разве это сердце не бьёт через край! Мне скорее нужна колыбельная песнь, и я нахожу её целиком в моём Гомере: он часто убаюкивает бушующую кровь мою. О, как порывисто, как неровно бьётся оно, это сердце! И тебе ли мне это говорить, любезный мой? Тебе ли, который столько раз бывал грустным свидетелем моих порывов, моих внезапных переходов от глубокой скорби к необузданному веселью, от тихой меланхолии к пагубной страсти? Зато и обращаюсь я с моим сердцем, как с больным ребёнком; нет ему отказу ни в чём.

Не рассказывай об этом: найдутся люди, которые нас не поймут и всё перетолкуют по-своему.

15 мая

Простолюдины Околодка уже знают и любят меня, в особенности их дети. Когда я присоседился к ним, начал расспрашивать о том, о сём, некоторые приняли это за насмешку и мне указали на дверь; я не огорчился и только твёрже сознал, почему они со мной так обошлись: люди известных положений обыкновенно чуждаются так называемого простонародья; а если иной франт или повеса и побратается с ним иногда, так разве, чтоб только тем больше выказать своё превосходство! Знаю, что мы неровня, что мы не можем, если б и желали, быть равны; а всё же хот, кто для поддержания своего достоинства щетинится перед низшим, тот также, по-моему, жалок, как и трус, бегущий от неприятеля из страха быть побитым.

Недавно встретился я у колодезя с одною из городских служанок. Она только что поставила кувшин с водой на нижнюю ступень и ждала – не подойдёт ли подруга подсобить. Я спустился с лестницы и, посмотрев ей в глаза, спрашиваю: «Не помочь ли?» Она покраснела: «О, сударь!» – «Без церемонии!» Она приноровилась, а я помог ей поднять сосуд на голову. Поблагодарив меня, она поднялась на лестницу.

17 мая

Я перезнакомился со многими; но общества ещё не нашел. Не понимаю, что люди находят во мне? Многие ищут моего знакомства; их привязанность меня трогает, и мне всегда тяжело, когда вынужден бываю расстаться с ними.

Если спросишь: каковы здесь люди? – я отвечу: как и везде! Род человеческий вообще вещь довольно однообразная. Большую часть времени они употребляют на заработку хлеба, а оставшая небольшая доля свободы их так пугает, что они делают всё, чтоб избавиться от неё. О, назначенье человека!

И что за простые, но добрые люди! Ничем не бываю я так доволен, как если мне удастся повеселиться с ними, устроить пирушку, прогулку, пляску или тому подобное. Шутки, беседа самая откровенная, душа нараспашку: как эхо всё веселит меня! И если б только меня не тревожила мысль о моих напрасно – ты знаешь их – пропадающих силах... Превозмогаешь себя; скрываешь свои средства; а это щемит сердце. И быть всё-таки непонятым – наша участь!

Ах, зачем было мне знать её, друга моей молодости! Где она? «Слепец, говорю я, ты ищешь невозможного на земле!» Однако я знал её, знал ту великую душу, в союзе с которой я был больше, нежели могу быть теперь, потому что был всем, чем мог только быть. Она была старше меня. Ни одна струна души не оставалась праздною, и то дивное чувство, которым я объемяю всю природу, было раскрыто перед ней. Тихие движения сердца, перлы остроумия, всё, от отчётливой мысли до игривой мечты – на всём была печать гения, и всё ушло на снедь времени! Никогда не забуду я ни ее твёрдости духа, ни ее божественной терпимости!

Несколько дней тому, встретил я молодого О*. Открытая, счастливая наружность и свежие знания – он только что из университета – говорят в его пользу. Не выдавая себя за мудреца, он однако не без претензии, что сведениями богаче других – и частью это так. Заметив, что я хорошо рисую и знаю греческий язык (два феномена здесь), он выказал много литературных познаний, с Батё до Воода и с де-Пиля до Винкельмана, при чём дал заметить, что знает всю первую часть теории Зульцера и владеет манускриптом Гейне об изучении антиков. Ладно! подумал я.

Да ещё познакомился я с славным, прямодушным и сердечным человеком, со здешним городским советником. У него девятеро детей и, говорят, надо видеть его между ними. В особенности превозносят его старшую дочь. Он пригласил меня к себе – и на днях я отправлюсь к нему. Живёт он, в полутора часах отсюда, на герцогском охотничьем дворе: городская ратуша, видишь ли, где умерла его жена, стала невыносима ему.

Кроме того, встретил я ещё несколько бледных оригиналов. Скучные люди, и что в них несноснее всего, это их уверения в дружбе.

Будь здоров! Письмо будет по тебе: оно историческое.

22 мая

Что жизнь человека только сом, это не мне одному, многим приходило в голову. Когда поймёшь, как тесны границы наших пытливых, деятельных сил, когда увидишь, к чему ведут они – а ведут они к удовлетворению потребностей, которые в свою очередь не имеют другой цели, как продление жизни – когда поймёшь, наконец, что плоды известных наших исследований не более, как пёстрые пятна на стенах нашей арестантской – всё это, Вильгельм, приглушает язык. Уходишь в себя – и находишь целый мир; но и тот более в чаяниях и смутных желаниях, нежели в живой силе и ясных представлениях. Последние смешиваются – и мы, покорные слуги наших грёз, бредём и вкривь и вкось за ними.

Что дети не знают, чего и почему хотят, насчет этого все достопочтенные господа, от гофмейстера до школьного учителя, согласны; но того, что взрослые, подобно детям, плутаются здесь как шальные, и как те не знают откуда, куда, зачем идут, и спешат точно также к обманчивым целям, точно также управляются пирожками, бисквитами и розгами – этого никто не хочет понять, тогда-как для меня всё это ясно как день!

Наперёд с тобой согласен, что счастливее всех те, которые как дети со своими куклами возятся, туалетами их занимаются и почтительно около комода с конфетками похаживают. Дадут им, орут: «Ещё!» – и довольны. Да хорошо еще тем, что своим грошовым занятиям, своим страстишкам громкие названия дают и их на весь крещёный мир важными общественными улучшениями называют. Хорошо слепцам! А кто понял, куда в потёмках метят эти господа, кто смирился и видит в простой доле честного простолюдина больше смысла, а в его саду, в его огороде, даже в ноше батрака сознаёт вернейшие задатки счастья, тот молчит, уходит в себя, и, зная, что каждому мил свет дневной, счастлив уже тем, что он человеку сочувствует и сознаёт себя человеком. И как бы он ни был ограничен, он носит в своем сердце ничем незаменимый залог свободы, волю бежать, по первому желанью, из своей темницы.

26 мая

Гуляешь, бродишь – и натыкаешься наконец на уголок, который тебя привязывает и становится целью твоих прогулок. Так моя давнишняя, тебе известная привычка приютиться где-нибудь, нашла себе пищу и здесь: это Вальгейм, местечко в часовом расстоянии от города. Оно расположено на холме и сообщается с деревней тропинкой, вьющейся по пригоркам, с которых виды на окрестность очаровательны. Хозяйка маленькой гостиницы, женщина приветливая и для своих лет ещё бойкая, разливает вино, пиво, кофе, но что всего привлекательнее здесь, это две старые липы, раскинувшие свою тень из-за ограды на площадку, перед папертью деревянной церкви. Крестьянские дома, сараи, кладовые окружают и совершенно, так сказать, замыкают этот прелестный дворик; сюда-то выносят мне из гостиницы стул со столом; тут пью мой кофе и читаю моего Гомера.

Когда я в первый раз пришел сюда – это было вчера после полудня – здесь не было почти никого: все были в поле; только мальчик лет четырёх сидел на траве, обняв обеими ручонками другого, лет полутора, усаженного к нему спиной; таким образом, он служил ему как бы креслом; меньшой бойко посматривал во все стороны, но также сидел спокойно. Мне понравились эта группа, и я расположился поодаль на сохе, чтобы срисовать малюток. Соседние заборы, сараи и несколько поломанных колёс не были забыты – и через час, не прибавив ничего от себя к рисунку, я был доволен им. Это укрепило меня в мысли – держаться вперёд одной природы: она одна образует великого художника.

В пользу усилий и правил искусства можно сказать столько же, сколько и в пользу приличий общежития. Художник, руководимый правилами, не даст ничего слишком грубого, отвратительного, как из человека, воспитанного в духе законов и общественных требований, не выйдет никогда несносный сосед или злодей на славу; но зато, что бы ни говорили, всякое правило притупляет чувство естественное и стесняет живые проявления природы.

Говори, что приговор мой слишком резок, что она сама стесняет нас, обрезывая грозди жизни – остаюсь при своём; с нею, как с нашею любовью. Юноша, например, жертвует всем своим временем, состоянием, силами, чтобы по десяти раз на день доказать своей возлюбленной, что он всецело отдаётся ей и что чувство самопожертвования ему выше всего. Приходит господин, занимающий в государственной службе важное место и говорит: «Молодой человек, любить можно, но надо любить по-человечески; распределите ваши дни; утро посвящайте труду, остальные часы отдавайте вашей любезной; составьте смету вашему состоянию, вашим расходам и из остатков делайте ей подарки в ее именины и по большим праздникам. Вот как надо любить!» – Послушается он – им него выйдет цельный молодой человек, дельный чиновник, и я первый готов буду рекомендовать его; но о его любви уже не спрашивайте, а если он художник, не ждите от него образца!

И вы удивляетесь, друзья мои, почему мысль гения, молния ваша, так редко озаряет вас, почему потоки так редко выступают из берегов, чтоб освежать вашу душу? Вон два друга, два приятеля расположилась направо и налево, вдоль реки; их огороды, садики, цветнички так разрослись – и вы хотите, чтоб два счастливца не обеспечили себя громоотводами и плотинами? Да полноте, любезные друзья!

27 мая

Я, кажется, пришел в восторг, знал в метафоры и сравнения, а между тем забыл рассказать тебе, что было дальше с детьми.

Погруженный в художественное созерцание, о котором даст тебе понятие вчерашний рисунок, я просидел на моей сохе часа с два. Вечерело, а дети всё ещё сидели неподвижно. Вот, слышу, молодая женщина издали говорить: «Спасибо тебе, Филипп, ты молодец!» Она подошла ближе и поклонилась мне. Я встал, подошел к ней и спросил: не мать ли она детям? – «Да», – отвечает она; даёт старшему половину булки, подымает младшего и несколько раз горячо целует его. «Да, я поручила Филиппу подержать малютку, а сама со старшим пошла в город, купить им крупы и сахару, да вот эту глиняную посудину.» Всё это было у ней в корзинке, которая была без крышки. – «Вечером будет суп Гансу (так называла она младшего); мой пострел, старший, разбил такую же посудину вчера, когда с братом из-за кашицы заспорил». Я спросил ее о старшем сыне, и не успела она сказать, что он в поле гоняет гусей, как он подскочил и подарил брата веткой орешника. Я разговорился с этой женщиной и узнал, что она дочь деревенского учителя, что муж ее уехал в Швейцарию за маленьким наследством, которым родственники хотели его обойти, не отвечая даже на письма. «Не имею известий от него. Если б только с ним несчастья не случилось на дороге!» – прибавила она. Я подарил детям по крейцеру и ей один на кашницу малютке – и мы разошлись.

Друг, когда мне тяжело на душе, подобные сцены убаюкивают меня и мне становится легче при взгляде на создание, покорное тесному кружку своего бытия. Живёт оно изо дня в день, видит, как осенью листья падают, и при этом думает только, что вот мол скоро выпадет и снег.

С той поры я часто там; дети привыкли ко мне; я кормлю их булками и сахаром, когда кофе пью, а по вечерам делюсь с ними простоквашей. В воскресные дни они получают от меня по крейцеру, и в моё отсутствие хозяйка знает, что ей делать. За это они платят мне откровенностью и, когда соберётся много детей, их маленькие страсти, вспышки, ссоры – как это всё занимает меня! Мне стоило труда уверить мать, что дети вовсе меня не беспокоят.

30 мая

Что я намерен сказать о живописи, то можно сказать и о поэзии: всё дело в умении схватить прекрасное и в отваге его передать. Конечно, это не безделица. У меня была сцена сегодня, которая, если б списать её, составила бы прекрасную идиллию. Но к чему поэмы и идиллии? Неужели нельзя без них? Живое участие в живых явлениях природы, разве оно должно быть всегда взнуздано?

Если после такого предисловия ждешь чего-нибудь особенного, необыкновенного – ошибешься. Я просто заинтересован простым крестьянским парнем. Мой рассказ будет, как я всегда, несколько жиденек и ты, по обыкновению, скажешь, что я преувеличиваю; а что наводит меня на такие курьезы, это всё тот же, всё тот же Вальгейм!

Общество, которое было как-то не по мне, собралось вчера под тень моих липок пить кофе; я нашел предлог уклониться.

Под вечер приходит из соседнего дома красивый парень и начинает возиться с сохой, известный тебе по моему рисунку. Наружность его мне понравилась. Я разговорился с ним и, как это часто со мной бывает, мы сошлись, пустились в откровенности. Сначала он мне сказал, что служит у вдовы, обращением которой весьма доволен; потом начал говорить о ней в выражениях, из которых нельзя было не заметить, что он ей предан всей душой.

«Она уже немолода, – сказал он, – она была несчастлива с мужем и не хочет снова выходить замуж».

Из его слов и движений было видно, как прекрасна, как привлекательна она в его глазах; как бы желал он, чтоб она взыскала его и тем подала ему повод изгладить тяжелое впечатление, оставленное в ней первым мужем. Пришлось бы повторить всё, слово за слово, чтобы дать верное понятие о привязанности, о любви этого человека; но только талант великого мастера изобразит огонь его движений, гармонию его речи, чудный отблеск его глаз. Никакое слово не выразит нежности, проявлявшейся в его манерах, в звуках его голоса, в его целом, и всё, что я тут нагородил тебе – всё это так бесцветно и вяло и не даст никакого понятия о том, что ещё так живо передо мной. В особенности тронули меня его опасения, чтоб я не подумал дурно об его отношениях к ней, об ее поведении.

С каким жаром, с каким чувством говорил он об ее наружности, об ее особе – говорил о том, как неодолимо он привязан к ней и что эта привязанность не есть увлечение ее прелестями, потому что для них уже отцвела она. В жизни моей не встречал я желаний, вожделений в такой откровенной, первобытной чистоте. Да, в такой чистоте, повторяю, они не являлись, не снились мне никогда – и верь, если скажу, что при одном воспоминании той наивности в его лице, той трогательной правды в его голосе, вся грудь моя горит, что образ этого идеала верности, нежности даже преследует меня, и что сам я, как бы застигнутый тем огнём, томлюсь им и алчу его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.